

Становление характера

М А С Т Е Р А К У Л Ь Т У Р Ы

Постановкой пьесы Н. Винникова «Когда цветет акация» начиналось более четверти века назад возрождение Ленинградского Большого драматического театра имени М. Горького. Спектакль-игра, спектакль-шутка, спектакль-концерт, он рассказывал о весне жизни, о прекрасной поре, когда обо всем говорится в будущем времени и когда день завтрашний представляется днем осуществления самых дерзких планов и надежд.

Поставил его новый тогда главный режиссер БДТ Г. Товстоногов, большинство ролей исполняли молодые актеры. Спектакль стал для них своеобразным творческим манифестом. Настроения героев отвечали их собственным. Постановка была проникнута уверенностью ее создателей в том, что они совершат невозможное: вернут коллективу утраченный авторитет и былую славу; скажут свое слово в искусстве.

Одну из главных ролей в спектакле играл Кирилл Лавров. Голубоглазый улыбчивый парень в неизменных спортивных штанах и клетчатой рубашке, бесконечно подвижный, непрерывно заряженный жизнедеятельной и веселой энергией — таким был его Борис Прищепин. Он жил предощущением прекрасных и небудничных дел и, чувствуя в себе недюжинные силы, нетерпеливо стремился к ним. Актер выразил в образе внутренний, душевный настрой нового, вступающего в жизнь поколения.

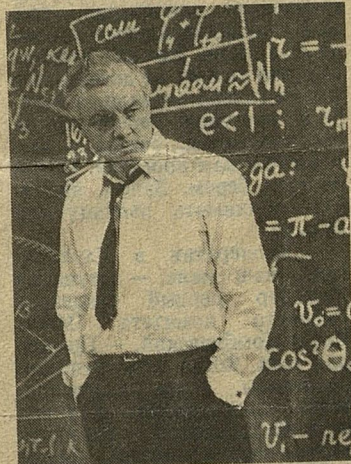
Так начался самый главный этап в жизни Лаврова. Актеру шел в то время тридцать первый год, а профессиональный его стаж едва перевалил за пятилетие.

Лавров пришел на сцену поздно — в двадцать пять лет, хотя родился и вырос в театральной семье (отец его — известный Ю. Лавров, народный артист Украины, мать О. Гудим-Левкович — тоже артистка); пришел, пережив несколько специальностей и отслужив в армии, из самодеятельности; поступил во вспомогательный состав киевского Театра имени Леси Украинки, где его первым учителем стал К. Хохлов, главный режиссер театра. В 1955 году Лавров был уже артистом Большого драматического в Ленинграде,

где некогда играл его отец. Через год коллектив возглавил Товстоногов.

У Лаврова прекрасные специфические данные: простой, обаятельный, с лучезарной улыбкой, он уже являет собою некий портрет современного героя. Одно только это совпадение внешности актера с определенным стереотипом положительности открывало ему путь к легкой популярности.

Поначалу казалось, что все к тому и идет. После Бориса Прищепина Лавров играл Геннадия Лапшина в пьесе В. Розова «В поисках радости», Славу в «Пяти вечерах» А. Володина... Мальчики конца пятидесятых, они стояли на пороге жизни, перед самым главным выбором и хотели сде-

лать его самостоятельно, без подсказки взрослых, они были привлекательны своей независимостью и нерасчетливостью. Быстро взрослея, они уже были готовы стать Сергеем Сергеевичем в «Иркутской истории» А. Арбузова, Платоновым в «Океане» А. Штейна, но неожиданно главный режиссер отобрал у актера роль очередного молодого героя и дал другую — сорокалетнего человека, отца большого семейства. Товстоногов уводил Лаврова от соблазнительной легкости, поручая ему роли комедийные и острохарактерные, чтобы через некоторое время снова вернуть актера к «его» герою, которому Лавров был предназначен всем своим человеческим и творческим складом, к современному положительному герою.

По существу в творчестве Лаврова отразилась история

нашего современника на протяжении четверти века.

В начале 60-х годов был популярен образ руководителя нового типа и почти в каждом театре шла пьеса А. Штейна «Океан». Но ни в одном спектакле не было такого Платонова, как в БДТ. Резкий, ершистый, прямолинейный, суховатый, он вызывал поначалу настороженное отношение зала. Лавров начисто лишил своего героя «милоты», заданной положительности, подчеркивал трудность его характера. Его Платонов был настолько не озабочен тем, чтобы «произвести впечатление», но был талантлив, надежен, честен. Не боялся нарушить букву устава, чтобы спасти друга, не прятался за чужую спину, умел самостоятельно принимать ответственные решения и признавать свои ошибки. В нем воплощались черты нового поколения советских офицеров — в этом заключалась социальная узнаваемость Платонова; а внутреннее движение образа строилось на его человеческом преображении — он постепенно открывал для себя простые и важные истины, становился мягче, тоньше, терпимее. В финале он обрел не просто всеобщую симпатию, а восхищение. Он становился подлинным героем.

Поиски шли и в современных произведениях, и в классике, где у Лаврова были большие и принципиальные успехи. Наша сцена не знала такого Молчалина в «Горе от ума» — умного, ироничного, дальновидного. Куда там Фамусову с его старомодными понятиями! Молчалин был страшен в спектакле БДТ. Молодой, полный сил, он уже предвкусывал, что будет «блаженствовать на свете». Не знала наша сцена и такого Нила, каким он появился в «Мещанах» в БДТ. Свободный от бесчеловечских норм бытия, он разрушал этот мир, его догмы, он уходил, чтобы стать хозяином собственной судьбы и хозяином жизни. Какой? На этот вопрос актер не отвечал, но он утверждал силу Нила и его способность переделывать мир. Горючий в «Ревизоре» — еще нестарый, энергичный, умный человек; позднее — Астров в «Дяде Ване», горько и мудро осознающий, что его и Войничского положение

безнадежно, и в этом осознании проявляющий мужество и душевную силу. Все это удаchi актера, в которых новизна решения сочетается с тонкостью мастерства, современное понимание образа с ощущением особенностей автора и эпохи.

Поиски шли не только в театре, но и в кино, где Лавров прошел неизбежный этап ролей однотипных и не слишком значительных, в которых внешняя узнаваемость была важнее своеобразия и глубины. Но вот две его работы — Синцов в «Живых и мертвых» и Алексей Лапин в фильме «Верьте мне, люди!» — обнаружили серьезный творческий потенциал актера, его способность и на экране решать задачи большого масштаба. Они в полной мере реализовались в образе Башкирцева в «Укрощении огня», которого Лавров сыграл не только мастерски и вдохновенно, но и с огромной личной причастностью к делу и судьбе своего героя.

И наконец, — образ В. И. Ленина. Актер встретился с ним сначала в скромном спектакле на малой сцене — сыграл будущего вождя, молодого Ульянова в «Защитнике Ульянове». Потом в фильме «Доверие». Это были эскизы к образу, во многом несовершенные, но тем не менее они сыграли значительную роль в подготовке к серьезному творческому испытанию, которое ожидало Лаврова в спектакле «Перечитывая заново...» Почти десятилетняя работа над образом вождя способствовала принципиальному успеху ее. Актеру удалось главное — показать процесс движения мысли вождя, энергичной, стремительной, с неожиданными поворотами и неожиданной логикой, мысли, рождавшейся в самые напряженные и кризисные моменты жизни страны. Это движение определяло ход спектакля, его ритм, его возрастающий от сцены к сцене драматизм.

Особенность исполнения Лаврова — и в открытии нового качества ленинской человечности, не вмещающейся в понятие обыденной доброты, человечности, порой достаточно жесткой по отношению к одному человеку во имя всех. Работа Лаврова находится в некоторой полемике с другими современными интерпрета-

циями образа вождя, которые выделяют в нем одну преимущественную тему, одну тоналность. Лавров в своем исполнении как бы объединил ленинские черты, воплощенные разными исполнителями в разные периоды жизни нашего театра, в единый и мощный монолог, показав сложную гармонию характера в слиянии многих и разных качеств.

Искусство Лаврова отличается редкая простота, достигнутая в результате тщательного отбора и редкого самоограничения, и абсолютная достоверность, доподлинность. Когда он играет Башкирцева, мы верим, что он большой ученый, когда играет Дугина в «Рядовых» А. Дударева, убеждены, что он солдат. Последняя роль — принципиальная. В исполнении Лаврова как бы соединяются два времени: прошлое и настоящее, трудная судьба рядового войны и наше сегодняшнее восхищение его подвигом.

В искусстве Лаврова преобладает общественный темперамент, интерес к социальным характеристикам, но он и прекрасный психолог. Обоснованная изнутри принципиальная позиция становится естественной нормой жизни, собственной верой, сутью человека. Это качество нельзя сыграть, оно должно быть присуще самому актеру, быть его верой. И естественная гражданственность и бескомпромиссность героев Лаврова имеют глубокие корни, он сам — общественный человек. Хотя все его многочисленные общественные обязанности никак не влияют на характер его поведения в быту. Он не озабочен соображениями престижа, не старается, как когда-то его Платонов, «произвести впечатление». Входя в репетиционный зал, он становится рядовым членом труппы. Болея за «Зенит», искренне радуется его выходу в чемпионы и всенародно приветствует его по телевидению не официальной речью, а песней «На тебе сошелся клином белый свет». Возглавляет и периодически выводит на поле футбольную команду своего театра. Он сам — гармоничная личность, в которой воплощены те черты, которые и составляют суть современного героя.

В. РЫЖОВА.

На снимке: кадр из фильма «Укрощение огня».

13 сен 1985

ПРАВДА
МОСКВА